

Алексей Губарев

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Байгуш

Роман и рассказы

Алексей Губарев

Байгуш

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Губарев А. В.

Байгуш / А. В. Губарев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Уважаемый читатель, когда Вы окунетесь в эти страницы, Вас увлечет занимательный мир героев нашего времени, их переживания, чувства и характеры. Содержит нецензурную брань.

Алексей Губарев Байгуш

Прежде, чем изложить на бумагу сие повествование, хочется осведомить читателя, что он не найдет здесь занимательного. Желаящие обрести ощущения, словно их окатил кто холодной водою или в наручниках волокут на расстрел, разочаруются об утерянном даром времени. Истории, в общем понимании этого слова, в этих пустых строках никакой нет, потому блюдо покажется посетителю довольно пресным. Данное чтиво назначено скорее для натуры задумчивой, в характере слабом, которой свойственна мечтательность и долгая боязнь окупиться во грехи, что, впрочем, любой другой делает не задумываясь.

Наверное, оно ближе обывателям монастыря и в большей степени, которые женского полу. Желания внести сраму в благочестивое житие затворниц, а паче посеять растление в их умы или же вызвать блудное разжжение плоти высокодуховных особ здесь нету, как и иного злого умысла. Всеизвестно, что и при церкви страсть бушует не менее сильно, но в отличие от той, которая на воле вдрызг упивается пороком, та, которая заточена в стены монастырей вынужденно нарезает бессмысленные круги, словно возбужденный жеребец, видящий загулявшую кобылицу, но привязанный к столбу крепкою бечевою. По своей сути данным легкомысленным посланием я не открываю нового направления литературы название которому комедия, где двое молодых героев, одним из которых оказываюсь я, на протяжении долгого времени откровенно «валяют Ваньку». Буйному нраву, привлекаемому насыщенными ароматами жизни, в тонких нюансах значения не найти. Так и здесь он обнаружит себе мало интересного. Предложенное вашему взору, скорее сродни прогулке запоздалой пчелы в позднюю осень по цветкам астр, не дающим нектара, в которых она будет оглоушена яркой игрою холодных красок, но утробы не насытит.

Двое в пузырьке.

Нет, не каждый склонен к размышлениям. Определенно не каждый. Данное занятие скушно и присуще редкому человеку, неизлечимому от этой напасти. По несчастью я тяжело болен этим недугом. Зачастую часами таращусь в окно и с собою спорю, пока дела служебные не отвлекут. А всё потому, что внутри пузырька двое премерзких создания огнездились. Душонка-то у меня мелкая. Плёвенькая по неизвестной природной прихоти вышла, никчёмная. Потому и подобна пузырьку аптечному. А то ужасное обстоятельство, что там эта парочка разместились и есть причина тяжкой моей хвори. И ладно бы скоморохам там ошиваться, о чем и мечтаешь часто. Так я бы улыбался на окружающее и людям. Без повода в смех бросало бы всякой раз. Комарилью бы, вот того же трепака... Куда-а-а там. Нетушки – вам-с, мил человек, судьбишкой прописаны горькие пилюли пользоваться. Вкушайте свою долюшку порционно и не плачьтесь понапрасну. И не приведи Господь, юноша, залпом хлебнуть этого зелья. А то ить многих-то искалечился на собственной стезе, не по силенке замахнувшись. Страшное дело...

Что касается этих двоих, то много про них не скажешь. Один являет собою серую тоску. Ну, как в позднюю осень, когда нудный дождь сыплет на опавшие листья подле рябины, клонящей к земле тяжелые грозди. Второй же едкий, словно нашатырь. Ему бы всё ёрничать хоть над чем; глаза бы щипать дымом. Да ко всему он большой любитель всячески первого

задеть. Глаз эдак прищурит, ослабится и пошел изгаляться. А первый всё свою линию гнёт, что та пружина. Сойдутся, часа два не разведёшь оболдуев.

Взять вот недавно. Случись первому обратить внимание на совсем незначительную присущность русским.

– У нас ведь как, – крадучись начал он очередной монолог, – отчего-то всегда одному дается право распоряжаться другим. Соберет такой деятель простолюдинов до кучи и давай распалиться: – Драка, мужики, предстоит смертная! Высоту, что дотами усеяна и минными полями обложена, к рассвету нужно взять во что бы то ни стало. И, мол, никаких мне.

И ведь ни слова гадина не обмолвится, что станет это геройство многими смертями. Не скажет он и по какой причине война свалилась на невинные головы. Кто зачинщики кровавой бойни? В каком окопе эти деятели оборону держат, на какой реду в штыковую атаку идут? За что народу-то итак света Божьего не видевшему головы класть? Не-а. Молчит и всё тут.

– Дак пропадем же ни за копейку. Можа, как-то обойтись без эвтой обузы? Жизнь и так ни в грошик. Можа, ну её к черту такую заданию – вдруг неуверенно раздастся из строя.

Тут и начнется комедия. Выведут "голос", представят всем, оружию отберут. Сначала лекцию зачтут о несознательности. Потом онемевшему бедняге "приштопают" саботаж и тут же застрелят из нагана прямо перед строем.

Сойдут окружающие с лица, поникнут головами, как в той поговорке "укатали сивку крутые горки". И поперет в темень непроглядную толпа на пулеметы своей смертушкой убиенного оплакивать, редким "Ура-а!" дружка поминать. А судья на амбразуры не полезет. Ни в коем разе не полезет. Его дело ухмыляться в покорные рабские спины. Глядишь, к утру высота далась. А сколь погибло за здорово живешь и не считают. Редкий выживший тому и рад, что счастливее других оказался.

Именно в таком месте и второй подаст голос; начнется крепкая перебранка.

– А ты не будь киселем. Что слушать-то каждого. Можа, его мамка в погреб уронила сосунком, так он и дурачок. Калеке взбренило безумное мяукнуть, а ты и давай жилы рвать. Мало ли что такому горлопану на ум взбредёт!

– Так шамальнет из нагана.

– А потому шамальнет, что страх этот паразит в тебе видит. Когда народ без страха шибко не пальнешь. На памяти у меня урядник один. Злыдень такой был, что свет меркнул при его появлении. Как что – он без слов зуботычину. И все падле с рук сходило. А раз прогадал. Шибко народ в тот раз осерчал от несправедливости. А он по привычке за свое, и хрясь одному по роже. А тот недолго думая в ответ саданул. Дело, конечно, каторжное вышло. Урядник сперва за глаз, а потом за наган. А мужик не промах; хватил ретивого наотмашь кулачищем в висок, тот и окошел. Оно хоть мужика и судили, и в кандалы упекли, но, когда народ в злобе, лучше не шутить.

– Каторга, что смерть заживо. Нет, уж лучше не перечить начальству.

– Так не жалься тогда, пропадай себе.

– Эка, пропадай! Скажешь тоже. Не видал таких, кому не до живота.

– Да не будь ты киселём, дура. Не спускай тому, кто Богу положенное присваивает. Противься, стой твердо на своем.

– Один в поле не воин. В одиночку против закону не сладишь.

– То и не закон вовсе, когда в нем против воли Господней всякая дрянь накарябана сволочью. Негоже обманному закону волю давать. Не по-христиански. Я бы спуску не дал. Не-е-ет. На кой ляд гибнуть по-собачьи. Уж лучша самолично сучье отродье пришибить да в каторгу, чем от руки его поганой сдохнуть...

Так вот и грызутся эти двое. Иной раз время к рассвету, а они метут-метелят пургою чужь несусветную. А что, когда и прищкнут на этих паразитов: – А ну, брысь, паскудники! Только с того и угомонятся. Оно вздор, конечно. Пустое брешут, а голова от их глупости и заболит – к заре только сном забудешься.

Наслушаешься этих выродков, думок надумаешь да и на стрельбище зачастишь, чтобы навскидку стрелять научиться. Зряшная забава оружием владеть, однако не в америках мы, а в Расее пробавляемся. Сколь у нас свои своих перестреляли? Счету нету. Да и мало ли, снова грянет черное время, а ты на дурака наткнешься. Судьбе подшутить приладится над тобою таким странным образом, из девичьего каприза. Явит тебе унтер Пришибеева в недобрую минуту. А перед врагом да без кинжала оказался – считай пропал. Это когда вооружен, бабка надвое сказала, кто при такой шутке ухмыльнется. Присказка-то незатейливая, язви её: – Умей стрелять на секунду раньше идиота, ушки на макушке держи, не верь никому – может и не словишь из глупости расстрельную пулю. Идейный болван ухватиться за "маузер", а ты секундой раньше шлёп его, как крысу и делов-то, Господи.

Да уж... И чего эти двое часом не скоморохи? Э-ха, видать, невезучий я. Или не глубоководный? Скорее и то и другое. Ну, в кого, в кого я такой? Неужто мне призвание чужое переживать, натоптанное пользоваться? Неужто своего не выдумать, своей борозды не поднять по нехоженому? Не вышел рылом, знать. Плохо удался. Всё мотыльком порхаю. Лизнул где нектару и рад-радехонек. Нет чтобы вот барином... Тфу... противно даже.

21 июля 1984 года. Назначение.

Над плацем отгремел марш «Прощание славянки». В стенах училища отсверкали аксельбанты, отзвенели подковы парадных коробок, раздарены напыщенные букеты гладиолусов. С улиц испарились счастливые лейтенантские морды, освященные слезами мамаш и безбожно извозюканые помадой невест и юных жён. Николай Данилович Быков – начальник училища, исключительно порядочный из генералов, с которым пересеклась моя служба, поставил на крыло очередной выводок своих птенцов.

– Ах, досада, язви её в качалки! Вот уж вовсе не ожидал, а случилось. Всегда вот так: что ни начну, так обязательно соскочу с намеченных рельс затеянного дела. Довольно частый мой гость и всегда не совсем, даже и во время письма, к месту. Но незлобивый этот товарищ сам-с собой напрашивается и потому я принужден вклинить этого неуклюжего мерзавца – небольшое отступление, с вашего позволения, естественно.

Выпускной бал курсантов лишь очень относительно можно представить торжеством, хотя плац "вылизан" и украшен флагами, а двери училища распахнуты для любого посетителя. Раз в год даётся это представление "скомканного времени" и активно участвуют в нем две стороны. Обе – и военная и гражданская, в которых среди мужского пола во множестве угадывается состояние "подшофе", а то и "с будуна", без исключения нарядны: офицеры в парадном золотопогонном платье и с аксельбантами, гости в лучшем на что способен их гардероб. Более точным этому моменту будет определение красочный хаос невероятно нудного, долгого ожидания праздника и до смешного короткая торжественная его часть, после которой все поспешно расходятся. Эта традиция настолько сильна, что и ненастье ей не помеха.

Четыре года казарменной жизни, где практикуется воспитание через коллектив, а рамки личного до невозможности сужены давлением извне, выразить чернилами на бумаге весьма сложно. Однообразие дней определённо накладывает разной степени угрюмость на молодых людей; характер курсантов если не ломается к концу обучения, то зреет и становится более ровным, а непосредственность бесследно улетучивается. От этого всякий получающий первое офицерское звание и погоны переживает. Волнение молодых людей хоть и различно, но хорошо видно со стороны. Кто-то все время что-нибудь да поправляет на себе или отряхивает; кто-то беспокойно мечется, сталкиваясь с сослуживцами и вызывая негодование многих; иной, не в состоянии справиться с собой, все время гримасничает; третий, как ни старается, как ни тарашит глаза, а отыскать маменьку или же возлюбленную в толпе приглашённых не может, от чего выражение его лица довольно глупо. Порой глаза наткнутся на уморительную мину с живописной печатью бессонной попойки. И когда поросята успевают?! Все же большинству выпускников удаётся разыграть спокойствие, сбившись в кружки, где поголовно нервно курят и без усталости несут всякую чепуху. Со стороны одинаковость поведения выпускников может казаться "кислятиной", если не различать, что кружки эти сильно разнятся. Те, что малочисленные, но к тому и самые громкие образованы нахалами, которые сочли себя выше других, присвоив звание "элита", при чем не заботясь о мнении остальных на этот счет. И потому, как слыли заводилами, говорили они нарочито громко, повествуя о собственном "гусарстве" и содеянных "подвигах". Значение этой отваги воображается так, словно в одиночку на голову разгромлена армия противника, а содержание геройских выходов смехотворно: попойки, самовольные отлучки, картежная игра, бездоказуемые победы на любовном фронте. В самые многочисленные компании сбивались конкуренты заводил. Эти претенденты на трон не так уж безобидны. При случае отпор "элите" гарантирован. Поэтому оба клана сосуществуют косясь друг на друга, задирая по всякому поводу, но при этом стараются возникшие ссоры всегда свести на "нет". В среде конкурентов также получают одобрение "подвиги", но уже вполголоса. Которые же оказались в статусе "ни то-ни сё" сторонятся остальных и стоят по трое-четверо. Эти, как правило, молчат, боясь навлечь гнев презрения "верхушки иерархии".

Впрочем офицеры, воспитавшие курсантов, в такие моменты всегда волнуются не меньше. От этого среди новоиспеченных лейтенантов, искоса следящими за наставниками,

нет-нет да и послышится нечто значимое, за которым последует короткая пауза, а толпа посетителей на мгновение замрет в восторженном напряжении, ожидая начала таинства.

Не очень жалуя людскую сутолоку я устроился слегка в стороне и наблюдал. Эта прореха в моем характере – любовь к наблюдению – неудобная. Но я мирюсь с нею из соображения – все, что ни делается, то к лучшему.

Я стоял под раскидистым тополем, облокотясь плечом о прохладный ствол, и наивно полагал, что его тенью надежно отгорожен от нежелательного интереса к моей персоне. Верно я выглядел скучающим, но при этом взор мой был остр, а разгоряченное сердце беспокойно. Сначала моё внимание привлекло то, что в обычности мало задевает праздные сборища. Общий фон собравшихся был обычным для подобных церемоний, но разгулявшийся ветер сотворил невероятное. Ему удалось так синхронно трепать пышные букеты гладиолусов, что невольно вспомнилась картина Ван Гога "Звёздная ночь". Отчего наваждение было именно таким, объяснить я не могу. Может отдаленная схожесть конусных форм кипариса и гладиолуса повлияла на это. Но несколько минут я даже боялся, что возникшее наяву прекрасное видение растает, и мысленно благодарил небеса за трепетное мгновение. К сожалению всему приходит конец.

Что-то меня отвлекло от приятного созерцания редкостного явления. Взор мой бросил очередной вызов душе и начал бесшабашно шляться по женским личикам, буклям, декольте и нарядам. Однако надолго на броской красоте он не задерживался. Там было все давно читано, понятно и ничего нового не предлагалось. Привлекательные обладательницы излишнего макияжа знают себе цену и имеют чёткое представление зачем они здесь оказались. Я некоторым образом привык к высокомерию и заносчивости дев с претензией на замужество с военным, что в этом городишке модно. Вопреки привычке, неожиданностью стало то, что взор, вдруг, выделил трех скромно одетых девушек, только-только переваливших подростковую черту. Очевидно, что эти барышни не были приглашенными. Скорее всего самая разбитная уболтала подружек "заглянуть на огонек". От принятия рискованного решения троица находилась в заметном смущении. И одна – невзрачная особа небольшого росточка – особенно выделялась скромностью. Две первые мадемуазели, по-видимому чистокровные донские казачки, были чернявы, смуглокожи и без устали вертелись, причиной чему некоторая неловкость положения. Глаза их были быстры, а резкие взгляды работали вовсе не на пользу ожиданию знакомства. Которую я выделил разительно отличалась от подруг. Простое, без премудростей славянское личико, редкие веснушки, которые не смог скрыть степной загар, русая чёлка, мягкий взгляд. Но при более внимательном рассмотрении угадывалась точеная, гармонично сложенная фигурка, безукоризненная форма ушек в которых тачали голубое сияние безвкусные "гвоздики". Наверное сейчас она вкусно пахнет солнцем, подумалось мне. Удивительно было и то, что разглядывая эту девушку, в голове не возникло ничего пошлого. Напротив, мои мысли к ней были чисты и преисполнены нежности. Ведь девушка, по сути ещё совсем ребёнок, пришла сюда с не совсем определённым интересом, но не без ожидания чуда. Ко всему было явно, что над нею давит страх того, что её вдруг обнаружит внимание молодых людей в форме; вдруг чудо обрушится именно на нее. Из причины неготовности к подобному взор её был потуплен, а сама она нервничала и все время старалась спрятаться за подружек, словно это поможет ей избежать страшного события. И это было так мило, что несколько спустя у меня мелькнула шальная мысль: – А что если подойти к ней? Разве не по плечу мне, чтобы эта пигалица поверила в чудеса! Разве не в силах я преподнести в дар этому светлому созданию немного радости?

Желание плюнуть на традиции и слету жениться заставило сердце забиться глуше, а ладоши повлажнеть. Ведь гоголевская Пульхерия Ивановна прожила счастливой, хотя с наскака была украдена у родителей кавалером.

Мысленно я уже начал рисовать картину первоначального испуга барышни, удивление и зависть подруг, скоропалительный визит к её родителям за знакомством, ошеломляющая просьба руки их дочери, клятва верности, ухаживания и прочее, прочее. Распаленное сознание уже рисовало идиллию уютной семейной жизни. Но тут на беду меня окликнул подошедший Р-нов. И принесло же этого обормота в такую минуту! Р-нов всегда был беспардонен, как утёнок у кормушки, и к тому и другом-то мне не приходился. Я его недолюбливал за угловатость и нетактичность, хотя, порой, простота его характера вызывала уважение. Так перекинемся парой фраз если свел случай и на этом все. А тут он полез с объятиями, стал бесцеремонно хлопать по плечам.

– Что скучаешь, дружище? Вокруг все веселятся а ты...

– Привет, конечно, но не затруднит тебя освободить меня от беседы? Я несколько занят.

– Посмотрите-ка, он несколько занят! Да разве это занятие обнимать дерево? Ты посмотри вокруг, что творится. Что творится! – восклицал он.

– Да отвали ты, язва!

– Нет, брат, от меня так просто не отвертишься. Давай накатим по сотке. У меня все приготовлено и первостатейная закуска припасена, – заговорщески пророкотал Р-нов.

– Да нет у меня желания пить, отстань.

– Нет, я к нему со всей душой, а он мне – отстань. Не строй из себя невинность, летюха. Знаем тебя как-нибудь. Нет желания к водке, так есть шампанское. Гуля-я-ем! А ты часом не приболел? Что-то я тебя не узнаю, – гудел здоровяк, которому военная форма не очень то и шла.

Он болтал, а я был расстроен, что ход мыслей потревожил этот болван. И ещё более тем, что в какой-то момент отвлёкся на балабола и потерял из виду девушку. Настроение сошло на нет. Объяснять Р-нову я ничего не стал. Просто извинился и оставил его у своего прибежища.

Немного спустя я нашёл ещё одно подходящее место для наблюдения. Но сколько ни скользил мой взор по челкам, носикам и блузам желаемый образ не найти так и не смог. От осознания, что я потерял нечто очень тёплое, дорогое, на душе стало пакостно. Недолго думая, я разыскал Р-нова, которого не найти было невозможно.

– Давай, что там у тебя, – без обиняков выпалил я.

– Давно бы так, а то ломаешься, что та монашка, – гаркнул Р-нов и потащил меня к "закромам". Закусь здоровяк действительно заготовил отменную, а шампанское осталось нетронутым за ненадобностью...

Мне нравится марш «Прощание славянки», хотя на душу лёг совсем другой, названия которого к своему стыду не знаю. Духовой оркестр училища исполнял его редко. Но в нём есть нечто трагическое, обреченное. Белогвардейское. Под такой не грех идти цепью на пулемёты.

День сухой и солнечный. Бывшая столица Донского казачества приходит в себя от пережитого двумя сутками ранее потрясения – узкие грязные улочки беспардонным свистом и выразительной руганью сотрясал очередной офицерский выпуск. Это действие было настолько усердным, что сам Сатана эти дни не смел показывать и носу в проулках, что в обычности проделывал с большим удовольствием, подстрекая курсантов пьяными шляться по ночам вне стен училища, а барышень из медицинского колледжа с завидным упорством беременеть уже на первом курсе и затем толкаться у проходной в надежде узнать любвеобильного шалопая, чтобы предъявить ему нахально распирающее сарафан доказательство безрассудной его страсти. В большинстве случаев такие негодяи умудрялись надолго укрываться в госпитале от своих ундин, что фиксировалось в графе «наименование болезни» нейтральным определением «бес попутал». Ну, а которые оказывались менее изворотливы, окруженные сердечной заботой родителей очередной глупышки понуро плелись под венец, при этом обретая звонкий титул «санитар города», равняемый людьми в погонах внезапной гибели.

Общее впечатление несколько портит уже неделю неутихающий северо-западный степняк, в треть гнущиеся тополя, жмушщийся к бордюрам мусор и одинокий новоиспеченный лейтенант, видимо отбившийся от празднующей компании и бесцельно слоняющийся невдалеке от училища. Но раскачивающиеся тополя остановят любого, словно приворожив. Когда выпадет им на мгновение выровняться, на взор наваливается глубокая матовая зелень. Стоит им только быть согнутыми ветром, глаза слепит живое серебро. Этой завораживающей игрою обязательно украдется некоторое время.

Будучи в гражданском платье и стараясь избежать нежелательных встреч, проскальзываю через КПП и направляюсь в штаб. Последние сокурсники предписания к месту службы получили накануне, основная масса вчерашних курсантов разобрала документы ещё в день выпуска. Я не охотник до сутолоки и очередей, да и к тому же сердечные дела несколько отвлекли моего времени в аккуратном домике бездетной "брошенки", что присоседился к переправе через Дон у станицы Багаевской. Потому в стенах кадетского корпуса объявился только теперь.

Затянувшееся празднество отзывалось где-то в глубинах организма нехорошим ощущением – мутило. В общих списках распределения, вывешенных в прохладном коридоре штаба, своей фамилии я не обнаружил. Пришлось зайти в строевую часть. Майор, дотошно ощупывая выпуклыми глазами, с присущим старому служаке сочувствием выслушал моё недоумение. Затем долго перебирал стопку бумаг; бормотал что-то неопределенное; цокал языком и выстукивал пальцами об испещренную царапинами крышку добротного стола дробь. Немного поразмыслив, он предложил зайти к нему после обеда. Не к месту возникшая пауза не обрадовала – электричка на Ростов-на-Дону уходила в 16 часов. Времени в обрез. До сумерек нужно успеть добраться в станицу Староминскую. Остаток пути до Ейска в расчет не брался – поезд отходил за час до полуночи. На случай же опоздания к этому сроку тропа к Азовскому побережью набитая и преодолеть её даже ночью дело, в общем-то, плёвое.

Переменить предложение офицера не представлялось возможным. Пришлось тащиться в «Лакомку», чтобы перекусить и убить время, где я не смог отказать себе в стаканчике коньяку с тремя звёздами на этикетке под бисквитное пирожное; майор был много прав, когда сверлил меня глазами – голова буквально трещала и вид у меня, по всему, был "лимонный". Через пару минут отлегло, отчего и время полетело быстрее.

К назначенному часу я вторично явился в кабинет, но уже «под турахом» и без болезненных толчков в затылке. Кадровик, приметив во мне изменения в лучшую сторону, одобрительно крикнул и улыбнулся: – Ваше назначение нашлось. Дальневосточный военный округ, войска ПВО страны, юноша. Поздравляю вас. Я тоже там начинал, – и после непродолжительной паузы: – не пугает? – съязвил он и деловито протянул мне бумаги, – расписывайтесь.

– Да нет, – погрузнев, нерешительно промямлил я, расписываясь в раскачивающейся графе, – у меня кровь наполовину дальневосточная, мама оттуда, родилась в Краскино.

Здесь сознанию явились сменяющие друг друга размытые картины небольшого курортного городка на Азовском побережье, его пляжи; Аня из Пролетарска; шторм в Ялте; Алушта, нафаршированная аппаратами, подающими за 20 копеек две трети стакана сухого вина «Совиньон»; парки Симферополя; рижский бальзам, запечатанный в керамическую бутылку, и замужнящая продавщица в скромной квартирке Бахчисарая...

– Ну, тогда счастливого пути, и будьте аккуратнее. Дальний Восток сторона суровая, не то, что юг. Тайга разгильдяйства не прощает, – оборвал сладкие видения офицер.

– Постараюсь, спасибо, – про себя чертыхаясь и кляня бесперспективные для связиста войска ПВО, откланялся я.

Где в тот далёкий август 84-го пронизательному майору было знать, что Северокавказский военный округ окажется много суровее Дальнего Востока. Что спустя десять лет там разгорится кровавая бойня, в которой будут сжигать целые полки в десять минут, а предатели и по сей день будут безнаказанно здравствовать. Где и мне было знать, что военная служба покажется не так интересна, как сокровенное женщин, потаённые уголки их незатейливого мирка, неразгаданная бестолковость, что сродни полёту бабочки, и до обморочности патологическая чувственность.

Декабрь годом ранее. Стажировка.

Одесса!!! Боже мой! кто бы поверил, что моя стажировка выпадет на легендарный русский город! Со стороны иной раз мнится, что даже Севастополь не так русский, как Одесса.

Покрытая невзрачным одеялом,

Каким-то влажным, серым и гнилым,

Ты встретила меня, Одесса – мама...

Строки кислые, но точно передают первые ощущения. Улица Парашютная, полевая бригада связи. Дай Бог здоровья капитану Чикунову за его понимание жизни и золотые слова: – «Ты погуляй, сынок, ещё наломаешься». Офицер как в воду смотрел. От участия в боестолкновениях Бог оградил, но что на износ мантулил, что жилы иной раз рвал не отнимешь.

Выразить Одессу на бумаге невозможно. Чтобы впитать в себя весь смак понятия Одесса, нужно хотя бы недельку пожить в ней. Мне свезло, капитальным образом свезло в этой жизни. Огорчает – не могу буквами изобразить глубину любви к этому черноморскому городу. Что могут сказать сухие строки о пиве николаевского розлива на улице Деда Трофима? Куда забросит ваши мысли упоминание о доме с одной стеной? Явят ли впечатление вашему лицу мои слова о дубах имеющих имена: один – «Черная ночь», что бросает тень по Шевченко, другой – «Императорский», скупающий на Фонтанах; и особо пригорюнившийся тополь Любви с отполированными ладонями стволом с одной стороны?

А ведь это в сущности ничто за Одессу. Здесь ещё и Мишка Япончик, знаменитый «Гамбринус» со скрипачом Сашкой, сотни повешенных румынскими оккупантами на акациях, «Привоз», девочки с ценником на подошве, дефилирующие вдоль «ста метров», криминальная Пересыпь, матрос, с презрением разрывающий на груди тельник навстречу пулемётной очереди, шумная Молдаванка и, конечно же, сами одесситы.

Середина декабря. Вечер. Моросит нудный дождь. Гриль-бар «Олимпийский» радушно принял нашу компанию. Сидели до самого закрытия. Та, на которую я делал ставки и клеился паутиной, растворилась в разгоряченной толпе на выходе. Потратив уйму времени на бесплодные поиски внезапно исчезнувшей надежды, я было отчаялся. Почти все вывалившиеся из заведения рассосались. Но тут обращаю внимание на молодую женщину. И отчего я раньше не заметил её в баре? Ну, видно, что постарше, пусть внешность неброская и что? Почему именно яркое привлекать должно? Я же не шука, кидающаяся на полированную железку...

– Вас проводить? – подстрекнул бушующий в сердце демон.

– А не заботитесь? – явно кокетничая, она.

– Ещё чего не хватало, – захорохорился во мне гусар, вперив глаза в тонкое обручальное колечко.

– Мне далеко – её проверка на вшивость и, видимо, цель раззадорить смельчака.

– Такси-и, такси-и-и! – я, метнувшись от неё к веренице бомбил, – свободен?

– Та сидайте ради Бога, нэ стэсняйтеся. Лошадёнка к вашим услугам, – радушно улыбочивый тип с неопределёнными чертами лица.

– Я..., тут ещё дама, мы шас, айн момент, – и уже к ней – прошу, карета подана! – а про себя – даже если обломлюсь ничего страшного, хоть просто с бабой поболтаю .

– Та нам хоть с самим чертом. Ох! святые, святые, простить мои прегрешения тяжкие! шо вы тамо мечетесь, як угорелый? не сомневайтесь та волокить вже её сюды быстрее, бо ще передумае, горяшка не обэрётесь, – в спину мне водила.

– Во гад, – думаю, – сейчас всё испортит пошляк.

Но пронесло. Женщина покорно устраивается на заднем сидении.

– Привыкшие они тут к такому обращению что ли? – про себя и влезаю в авто, соседясь к ней.

Едем минут пять. Разговор ни о чем. Водила весельчак и остролов. Смешит на всю катушку. Я стараюсь не отстать в упражнении третьесортной словесностью. В одну из возникших пауз внезапно слепляемся с попутчицей в поцелуе. Застыли надолго. Извозчик деликатно замолчал...

Приехали к указанному адресу. Незнакомый микрорайон. В ряд несколько типовых девятиэтажек. Наша третья слева. Дребезжит лифт; мы в поцелуе. Вваливаемся в квартиру. На пол летят фуражка и шинель, затем её куртка и цветистый шарфик. В порыве нетерпеливой страсти валимся прямо в коридоре. Не предохраняясь, дважды впадаем в неистовство. Не знал, что о палас можно в кровь сбить колени и локоть правой руки...

Пять утра. Пьем чай в кухне. Я одет на скорую руку и ещё пьян, она в байковом халате на голое тело. За окном стук дождя и непроглядная темень. Шинель и фуражка по-прежнему на полу.

– Тебе пора, муж может прийти.

– А где он?

– На службе, в наряде. Он старший лейтенант, – она подводит меня к кладовке; на вешале покоится парадная шинель, на золотистом погоне мерцают бронзой три звезды.

Одеваюсь. Прощальный поцелуй. Не отлипаю от её губ и одной рукой долго мну грудь в слабой надежде.

– Нет, нет. Иди. Скоро муж припрётся, я знаю.

Жаль, но ухожу. Уже, будучи в лифте, оправляю форму. Спустя десять минут выбираюсь из лабиринта бетонных свечек к трассе на окраину. Недолго думая, останавливаю случайный «Икарус». Пассажиры спят, автобус междугородний. Как ни странно, останавливается

– На Парашютную. Знаете, где это? – говорю водителю и сую ему юбилейный рубль.

– Надо круг давать, – и увидев счастливую мою морду, – поехали! только расскажешь, страсть люблю всякое такое.

Я со всеми подробностями излагаю слушателю минувшее любовное приключение. Он изредка восклицает: – прям в такси целовались?...; в лифту зажал, ха-ха-ха...; прямо на полу у неё в коридоре...; стёр коленки, га-га-гой-е-е..., а дверь хоть закрыли, ха-ха-ха?...

– Звать-то как её? – спрашивает по завершении пересказа.

– Опачки, не знаю. Я как-то и не спросил, – и оба долго ржём в голос, напрочь забыв о спящих в салоне...

Неинтересное.

– Помилуйте! – воскликнете вы, – к чему автору укладывать в строки неинтересное?

И совершенно правы. Только есть маленькое «но», которое хоть и внесет некоторую сумятицу в течение мыслей посягнувшего читать эти записки, но в значительной мере не обескуражит оно и особого вреда этим ему не станет. Ведь всплеск ваших эмоций относится, заметьте, к автору, что и засвидетельствовано самим восклицанием. Я же именоваться автором имею права очень относительные, ибо предложенное мною повествование более похоже на невыразительные черновые наброски, нежели имеет статус высокого произведения. И это несмотря на то, что из насмешки я именую представленную взору читателя низкопробную хронику романом.

Теперь за состоявшимся объяснением мы можем спокойно отнести дальнейшее изложение несколько в сторону. Касаться общеизвестного женского коварства и виртуозного умения уместить в сердце увенчанную странностями высоконравственную и самую загадочную дружбу к себе подобному я не стану. Как юная особа, не устоявшая искушению и познавшая тайну телесных наслаждений, укладывает в постель к своему совратителю недозревшую доверчивую подругу настолько большая тайна, что скорее всего этого вовсе и нету. А слухи о подобном пустая болтовня из скуки. А раз так, то писать существо характеров слабого пола выходит довольно пресным делом и потому пусть им занимается женский роман.

Но вот неожиданным союзником в делах амурных женщина стать может, потому как исключительно из своенравности пособничество чужим грехам к преступлению не относит. Часто свидетелем этому случается быть, когда особа одинока, имеет уже ребенка и к тому обременена возрастом, за глаза именуемым «годами таяния последних надежд».

Как-то, будучи в звании старшего лейтенанта по незначительному служебному делу я попадаю на боевой пост телеграфной роты, что устроен в штабе и в двери которого секретный

замок, при том с кодом «148». Эту последовательность цифр знает любой в части да и изрядные потертости на кнопках выказывают это, но говорить об этом неприлично. В армейских кругах к хранению секретов относятся с особым трепетом. Сбоку неаккуратно обитой железом двери, налезши краем на косяк, на одном гвозде прибита черного цвета кнопка. Но пользуются звонком редко и только начальство. Все остальные негромко выбивают в дверь "семерку". Это осторожное «дай-дай-закурить» означает – не бойся, свои. В совершенстве владея этикетом нижних чинов, в небольшую паузу дважды тихонько передаю через дверь условный сигнал. Уловка срабатывает. Тут же мне распахивается дверь и взору возникает удивленная визиту незнакомца военнослужащая с лычками на погонах, при хорошей утюжке форменной одежды, но в растоптанных шлёпанцах с открытым верхом и во всей той красе, которая нисколько не отлична от вышеописанной. Что она хороша, так не сказать. Страшенькая. Как бы тоже нет. Это скорее среднестатистическая обычность образа женщин-военнослужащих, ростом выше среднего и с некрасиво загнутыми пальцами ног. Черты лица, как и движения немного грубоваты, как, впрочем, и голос, в котором можно проследить тревожное: а именно, дурные нотки неуместной требовательности, некоего неприкрытого и привычного каприза.

– Чистой воды "драгун", – мелькнуло в голове и впоследствии стало ей негласным прозвищем.

Рот большой, вокруг крутых изгибов губ следы дешевой помады. Над ними заметен темный пушок, определенно наметивший к старению хозяйки переродиться в волос. Взор острый, можно сказать пронзительный, насыщенной болотной зелени. Но не тот, что присущ многим гадалкам. Брови неправильны и невыразительные.

Представляюсь и озвучиваю причину случайного появления. Боевой пост убран самым обычным образом. Воздух сперт, чему причина работа вентиляторов нагретого оборудования. С потолка на длинном витом шнуре спускается испачканный мухами плафон молочного цвета, на котором обосновался слой древней пыли. Внутри этой безвкусицы едва тлеет маловаттная лампочка под которой беспокойно кружат две мушки. Слабое освещение придумано специально, чтобы бушующий беспорядок не так явно бросался в глаза.

Окна в помещении два. Они зарешечены и никогда не открываются, разве что форточки можно приоткрыть в жару. К ближнему окну часто подходят, потому как рисунок на линолеуме под ним основательно истёрт.

– "По ходу пьесы" дамы на посту безбожно курят, – невольно закралось подозрение. Дальним окном не пользуются, потому что его загроздила двухметровая коммутационная стойка, за которой валяется целая куча спутанных кабелей похожая на клубок змей. Кроме того, оба окна всегда глухо занавешены тяжелыми черными шторами, в щель между которых можно наблюдать один из углов расположения части с турником и брусьями, словно проросшими из желтого песка. Справа у стены стоит рабочий стол, крытый заляпанным стеклом, под которым уложены листки с инструкциями и таблицами. На нем раскрытый журнал с многочисленными помарками, несколько крошек от еды и два телефонных аппарата. Закладкою журналу служит желтого цвета карандаш от «Koh-i-Noor» с обломанным грифелем и с тупого конца тщательно изгрызанный неизвестным. Стол оборудован тумбой, в которой устроено три выдвижных ящика, верхний из которых имеет врезанный замок. В углу напротив серый сейф с маленькой дверцей вверху и большой нижней. На боку сейфа прилеплен магнит от громкоговорителя со связкою ключей. Сверху сейфа обустроился выдавший виды электрический чайник без крышки, к которому тянется в прошлом белого цвета провод. На стене в тени чайника

замер таракан. Однако, есть и еще один стол, загроможденный разным оборудованием и под которым покоится целая груда пестрых женских тапочек. Но так как участие, принимаемое им в жизни весьма мало, упоминание о нем в общем-то излишне.

По иронии судьбы мой приход пришелся на то время, когда в сменах привычкой ужинать, чем настроение дежурной было подпорчено. После заминки, что случается на службе при первом знакомстве и не особенно скрывая некоторое раздражение она все же спросила: – Чай будете? В вопросе явно прослеживалось изучение, так как звания моего не называлось умышленно.

– Нальете, так не откажусь, – поборов смущение промямлил я, – только покажи (тут и я умышленно перешел на «ты») пожалуйста, что тут не работает. А то послали, а зачем толком не объяснили.

Эти фурии дежурных смен терпеть не могут уставного обращения, хотя при начальстве ведут себя в строгом соответствии правил. Потому получить благосклонность довольно просто. Обратись к ней не по уставу и в кармане у тебя союзник. В противном случае можно заполучить и непримиримого врага с камнем за пазухой.

За чаем завязалось дальнейшее знакомство, переросшее впоследствии и в негласное сотрудничество. Какие мысли витали в головке дамы в сержантских погонах мне неизвестно. Я же, прилагая усилия не спугнуть жертву, неназойливо прощупывал почву на известный предмет, который все без исключения ищут в зрелых одиноких женщинах. Но дама, как и имя Галина, оказалась без меры высокомерною и тверда, что тот кремень. Прозвище "Драгун" вышло более чем удачным. Волей-неволей пришлось взять нейтральную сторону, обратив дело в порожные отношения, за небольшим исключением. На телеграф я зачастил. И причин тому было две.

В долгие часы безделья, когда в части по прихоти командира находиться необходимо, а делать в то же время совсем ничего не нужно, я, дабы из скуки скоротать время, то и дело тайно наведывался на пост. Ведь однажды проторив дорожку всегда ступишь на нее следующим разом. Этому же периоду выпало и то время, когда в части рвал и метал один чопорный капитан. Сказать, что он извращенно понимал значение службы, ничего не сказать. Вот хорошо известен один майор, о котором и вы скорее всего наслышаны. Так этот майор после утреннего развода пока прилюдно не доведет себя до истерики, никак не успокаивался. А уже к обеду разгоряченный служака престранным образом исчезал из расположения и до следующего утра его нигде не было слышно. Любил этот уникум от неподалеку стоящего командира подать представление. «Бес», так его окрестила молва, хватал за ворот попавшего под руку солдата и, основательно потрепав бедного владельца дерзких глаз, начинал читать тому нотацию, мол, такие вот клоуны и продали Родину. Застигнутый врасплох и ошарашенный разоблачением торговец Родиной, видом очень напоминающий нищего оборванца у церкви, понуро опустивши голову покорно внимал громогласному уличению во всех смертных грехах, видимо давимый непомерным грузом внезапно проснувшейся совести. За этим действием командир части всегда наблюдал открывши рот, видимо пытаясь осознать, каким это образом тонкошей юноша, и притом весьма грустный клоун, умудрился продать страну со всеми её потрохами и кому он её продал. Когда подобная сцена случалась со стороны можно было услышать фразу: – Смотри, смотри "Бес" прихватил бойца! Сейчас начнется цирк.

За глаза многие говаривали, будто у майора в голове засел снаряд и старались не связываться с идиотом. Что его побуждало к подобным проявлениям не совсем понятно. Хотя я подозреваю, что на поверку «Бес» был еще тот плут. Неплохо до обеда на глазах у всех из ничего орать благим матом, будто тебя кипятком ошпарили, а затем смыться по своим делам, зная, что никто по служебным недочетам тебя искать не станет, опасаясь очередной бессмысленной суеты. Вот и капитан оказался парой тому субъекту в майорских погонах, только что со своими «клопами» в башке.

Но в отличии от загадочного майора, капитан прохвостом вовсе не был, а был незатейлив, как барабан и называли его – дурак. В части он торчал безвылазно, орал и до, и после обеда, и, к великому удивлению многих, имел на вооружении прехорошенькую скромную женушку, значительно его моложе. Будучи истеричным и к тому занудой, он так гадко воздействовал на юную женщину, что та в облике казалась если не напуганной, то уж точно измученной. В характере Маши, так звали его супругу, была особенность, несчастьем которой является то, что такие не выходят замуж. Их отдают в жены по протекции. Таким скотским приемом многие родители пользуются ради мнимого заручительства спокойствием, что их дочь пристроена надежно и если и будет обижена, то не так, чтобы январем топиться в проруби.

Как и принято в воинских частях, капитаны устраивают своих жен на службу. От этого в кабинетах строевой части сотрудиц, пишущих бумаги всегда сверх штата. Тем, которых уже некуда посадить определяют места в различных дежурных сменах. И, какое счастье! Замужняя скромница попадает на телеграф, где «на первых парах», пока новоиспеченная солдат не освоится, в наставницы ей определяют опытную Галину. По всему этому вскоре и выходит история, со стороны интерес представляющая небольшой и особой художественной ценности не имеющая, потому как время дуэлей безвозвратно прошло.

Естественно, не бросать на свеженькую телеграфистку липкий холостяцкий взгляд сил никаких не было. Оно конечно, положила руку на сердце, на чужой медок не разевай роток. Но такое уж гадкое наше устройство, что любой порок нам безумно сладок.

"Конфетка" не одному мне оцарапала наливающимися бедрами нервы. Только вот вступить с нею в разговор то и дело мешал мечущийся как угорелый между казармами её ретивый муженек. Но ищущий да обрящет. По неведомой прихоти место желанного знакомства само подвернулось под руку. А разве упустишь шанс, пусть даже его реализация выглядит весьма туманной?

Поэтому мои появления на боевом посту телеграфной роты без всякого на то повода стали частыми и настолько очевидными, что это не ускользнуло от пронизательного "Драгуна". И пока Машу в ночь не ставили на пост, втроем мы вели долгие скучные беседы, где порой то и дело раздавался недолгий фальшивый смешок, или же вспыхивал румянец на чьей-либо щеке. А из праздного безделья чего только не вытворишь в этой жизни. Что грехопадение! Из скуки люди стреляются, а то и вешаются.

Не обошлось без того, чтобы мешали этому. Но голь на выдумки хитра. Если раздавался несанкционированный звонок, то желающего заглянуть в пост через дверь направляли за получением разрешения у начальника штаба. И пока бесперспективный претендент на роль непрошеного свидетеля выпрашивал "наверху" благоволение на допуск в секретные апартаменты, у меня хватало времени преспокойно улизнуть незамеченным.

Чтобы укрепить расположение Галины, я старательно ей льстил, часто задавая вопросы о больном каждой женщины – о ее малыше. Говорит ли уже мальчик и какие произнес он слова, не ушиб ли лобик, не приболел ли и прочее доброе и безобидное. Маше вопросы не задавались, а лишь иногда речь обращалась к ней и она, пусть вынужденно, но вступала в беседу. За сходство с равнинной спокойной рекою Машу я про себя окрестил Нюсей. Да и было от чего. В первую молодость я имел честь подарить некоторое количество серьезных ухаживаний девушке с именем Аня. Тот подвиг с моим уездом на учебу закончился ничем. Но тихую Аню я всегда помнил. Маша многим напоминала умершее, а ностальгия штука страшная. Отсюда и родилось просебяшное "Нюся".

Как-то наедине Галина неожиданно выдала: – Что, Машка нравится? Это застало меня врасплох, отчего лицо полыхнуло и перехватило дух.

– Зря стараешься, она не из таких. Она считай монашка, так что ты пролетаешь.

– Да я собственно... – так и не сумев подобрать нужное определение, пролепетал я

– Ну-ну, будто не видно. Вы все одинаковые... – съехидничала она.

– А ты помоги, – вырвалось у меня, причем, непредсказуемо, само собою. Это было так озорно и одновременно нахально, что несколько смутило собеседницу и возникла долгая пауза.

Затем Галина неожиданно рассмеялась и не оборачиваясь пошла. Я бросил ей вслед бестолковый смешок, но черное зерно в сознание женщины было посеяно. Никогда не знаешь, чем руководствуется одинокая женщина. В какой момент даст отпор, а когда к груди, распухшей от избытка молока, оголодавшего прислонит. Так вышло и с Галиной. Волею судьбы и совсем неожиданно из этой шутки образовался пока неопределенный, но союз и с не очень приличной целью, как выяснилось позднее. Все чаще в наших тайных разговорах стало мелькать имя Маша. Все чаще мы пили чай втроем и все долее я засиживался на телеграфе и краснел, выискивая несуществующих причин своего присутствия неожиданно зашедшему в пост начальнику штаба. Всё более Маша приручалась к моим угловатым ухаживаниям.

Время шло и шло. Случилось как-то части осенью убыть на две недели на полигон. Я остался непричастен к учениям и нес службу в расположении. Маша к тому времени уже сама выходила в дежурные смены. Так уж устроено, что в пост по желанию каждый раз не попадешь. Но у меня было много времени болтаться под окнами телеграфа в её смену и ждать радостного мгновения, когда в темном окне возникнет светлая полоса. Не без того, что и камушками бил о стекло, давая ей понять свое присутствие. В этом я проявлял невероятное усердие и постоянство, наградой которому и была короткая полоска свету, где на секунды появлялся Машин образ. По исчезновению сладкого явления я с радостным сердцебиением удалялся, удовлетворенный подачкой Машиного внимания. К тому я взял привычным на "пару минут" проникать к ней в боевой пост, якобы по ходу надуманного дела в штабе заскочил засвидетельствовать почтение даме. Способствовало этому, что в дежурных сменах от недостатка людей решительно начался ералаш. Галина один раз попадала на полную ночь в паре с Машей, другие разы они дежурили каждая по отдельности. Много бы я отдал, чтобы проникнуть в тайну разговоров этих женщин, когда они делили долгие ночные часы. Но чему не суждено...

Две недели срок малый. Пролетели они незаметно. Разбушевавшийся было кавардак стараниями вернувшегося с полей командира улегся. Часть потихоньку приходила в себя от

пережитого потрясения, когда однажды Галина мне шепнула, что будто бы у Маши возник небезызвестный интерес и она мне некоторым образом симпатизирует. Это грянуло, словно гром среди ясного неба. Я был удивлен крайне, хоть и всегда помнил лишь краткий свет в непроницаемых шторах боевого поста. И потому, как давно уже не имея никаких надежд от скромницы отказался с этой стороны иметь на Машу виды. Но подвигнуть Машу и распалить её сознание легким чувством смогла Галина. Из каких побуждений она это делала, как она смогла убедить безвольное дитя, что первородный грех по сути пустяк, остается большой загадкой.

Был ли это от Галины подарок, мечь ли её это была за одиночество, за перенесенный самую грех; обида ли на капитана, который мог оскорбить заносчивую женщину; я не могу сказать. А только чувствовал я себя неловко, потому что не я самолично обтяпывал интимное дельце, а все устраивалось стороннею причиной. Между тем Галина оказалась умелой интриганкой. И зашла она так далеко в подпольной деятельности, что юная особа подалась уговорам и предалась блуду. Первая наша близость с нею была нервной и быстрой, как вскоре по получении определенного известия, и первый поцелуй в висок, которому не было отказано.

А времечко текло себе своим чередом и текло. Лето выдалось дождливым. А тут грянули и очередные учения. Узнав, что Маша остается при части, я было расстроился. Офицеру два раза подряд пропускать учения не практиковалось. Но благодаря изворотливости и холодному расчету я снова избежал участи убыть на полигон и остался при казармах. Вполне возможно мою сторону в этом приняли небесные силы. Поцелуи, теперь в губы и долгие, имели такое магическое действие, так жгли сердце, что я вынужденно крутился, как угорь на каленой сковороде, разрываясь между служебными делами и податливостью женщины. В один вечер Маша меняла на посту Галину. Галина должна была оставить пост в девятнадцать часов, но было уже далеко за полночь, а она все не покидала рабочего места. Наконец в коридоре штаба бойко застучали каблучки, что я услышал, так как дверь штаба была распахнута. В те минуты я, шлепая на щеках и шее комаров, околачивался неподалеку от здания штаба, ожидая момента проникнуть в боевой пост. При плохом освещении двора я прилагал определенные усилия быть заметным Маше. А тут долгожданные шаги. Первым порывом было метнуться в темноту, дабы избежать встречи и тем потерять несколько драгоценных минут, но что-то остановило. Увидев, Галина окликнула меня и подошла.

– Привет, – начал я, – как отдежурила, что так поздно?

– Что не зашел? – прозвучало в ответ.

– Да не знаю, дела..., проводить?

– Ладно, я поняла. Не нужно меня провожать, я и сама доберусь. Кстати, хочешь что-то скажу? – заговорщески наклонилась ко мне Галина.

– Что?

– Да-а-а, – таинственно и с придыханием произнесла она.

– Что да? – выглядя полным идиотом, просипел я.

– Ну ты непонятливый, а еще старший лейтенант, – было сказано с явной издевкой.

– В смысле непонятливый?

– Да, это значит – ДА!, – сделала она ударение, – Машка не против с тобой.

Тут моё сердце невозможно бешено заколотилось. Вот баба! – мелькнуло. Сама устроила! Конечно и робостью окатило, словно неприятная волна внутри прошла. Вдруг розыгрыш, вдруг последует огласка. Но и отказаться от «розанчика» сил не было никаких. Эту ночь я не спал. Выброс адреналина был такой неестественной силы, что казалось внутри меня начался пожар. Поэтому по наступлении утра подкараулить Машу после смены для «разговора» не составило труда.

Более трудным оказались убеждения в сохранении абсолютной тайны, для чего в назначенный секретный адрес было предложено добираться порознь. И нелепой болтовней нужно было уложиться буквально в пару минут, пока свидетели «дали маху» и мы получили возможность быть незамеченными. К моему стыду и удивлению в назначенный адрес Маша пришла, что, собственно, сильно меня обескуражило и некоторым образом выбило из колеи. Рассказывать, как уже довольно опытные люди «мандражировали», нервно целовались и после смущенно отводили глаза, как переживали яркие минуты близости, как прошло всё поспешно и скоротечно, и как долго и сладостно было второе и последнее уединение, наверное, не имеет смысла. Любой это пережил сам и тут может применить.

На вопрос к Маше насчет странного поведения и решения ввергнуть себя в грех против такой непостижимой скромности и при строгом муже, она предпочла молчать, как партизан. Верно причина во внутреннем протесте, а может в рождении женщины из ребенка, посредством опытной подруги. Потому как вторая встреча была настолько ведома Машей, настолько затворница оказалась уверенной и азартной в запретном, что во мне родилось стойкое ощущение, как мало еще я знаю в женщинах и совсем не разбираю зрелых наставниц. Кулёма показала себя с той стороны, которую и представить было невозможно, и оказалась совсем не такой, как подносилось ранее.

Чертовски уставший, выжатый, как лимон, я все-таки был счастлив. И хотя чувство неловкости, дурное ощущение использованности долго не проходили и часто грезилось разоблачение, визиты на телеграф я не оставил, в награду за то вырывая пунцовые поцелуи и располагая трепет в руках и сердцебиение.

Галина на попытку разъяснить возникновение этой ситуации, с таким презрением, так уничижительно посмотрела, мол, пёс ты дворовый, под тебя девка легла, а ты справки намыслил наводить, что более на расспросы я не решался.

– Вот отбрила, так отбрила, зараза. Не-е, паря, такую стервозу в жены не приведи Господь, – я уныло бродил по пустынным аллеям парку и разговаривал сам с собою.

– Развалинами рейхстага не удовлетворен, – заключил я и тут же, – А, ну все к черту! Удовлетворен, не удовлетворен разница не велика. Рассосется как-нибудь. Не крал же чужого в конце концов.

Вместе с размышлениями пришло и успокоение. А немного спустя часть праздновала возвращение с учений. Озлобленный бардаком командир разошелся не на шутку, затянув трехдневную симфоническую ораторию "Сказание о долге воинском". Дабы лишний раз не попасть под "горячую руку", я некоторое время скрывался на отдаленном боевом посту под предло-

гом срочного ремонта техники. Привычный порядок скоро восстановился и всё пошло своим чередом. Шебутной капитан, встречи с которым я стал старательно избегать, еще пуще рвал и метал по службе. Я перестал проводить бессонные ночи под окнами боевого поста. Волнение сердца более таким острым уже не было. Мир несколько потерял в красках.

Нет, общаться мы не перестали, но как-то интерес к этому поутих. Наше сумасшествие сошло на нет. Я всё чаще искал извинительного повода за редкие визиты на телеграф. И все реже горел желанием пуститься с Машей в объяснения. Маша также остывала ко мне не по дням, а по часам. Такое не скроешь. Необузданность в поцелуях исчезла, они стали короче и постнее. А как-то она, вывернувшись из объятий, сказала: – Не надо больше. Тем и доистребились во мне жалкие остатки похоти. Вскоре Галина в силу дурного характера со страшным скандалом и проклятиями всему штабу уволилась из части.

По прошествии еще некоторого времени чопорного капитана перевели на новое место службы, на боевом посту появились новенькие, тем и оборвав всю эту историю. Туман времени навсегда поглотил пастельный набросок Ньюсиного образа.

3 сентября. Год 1984-й. Первое место службы.

Таёжный день прекрасен и ничем не уступит степным на Азове. Хабаровск... Повяло историей неистощимого терпением русского духа. Невольно взор начал искать то, что всегда волнует русское сердце – нечто каторжное. И понесли меня ноженьки занырнуть в Лермонтовский мрак, демидовские кандалы ощутить. Да не тут-то вышло. Во встречных лицах сосредоточенности ноль. Темное прошлое властью подчищено добросовестно. Ни единого отпечатка лихих 20-х, ни страданий ссыльных и поселенцев. Так, пара невзрачных табличек победителям и точка. Потому, не обнаружив ничего душещипательного, через некоторое время вместе с разочарованием пришло и успокоение.

Всюду в клумбах знакомые цветы, те же тополя, что и на Кубани. Амур обнаруживает себя излишне гордым, но, что красив – факт безусловный. Волею судьбы я впервые очутился на такой большой реке. Сал, Сусат, Маныч, Сосыка, Лютик, Глухое, Ея, Лагутник, да те же Дон и Кубань теперь показались ручейками.

– Маты-святы, да тут и чайки парят! и овелько погода – ты поглянь, и ласточки носятся! хм, тогда жить можно...

Многим Хабаровск напомнил Ростов-на-Дону и понравился. Так же укрепился на холмах, слышно, как скрипят трамваи и шелкают троллейбусы, а в клумбах пестреют аютины глазки окаймленные чернобривцами. Из нового, пожалуй, ясени вдоль улиц и деревянные дома, чего ранее никогда не видел. Водка действует также. Вяленой тарани нет, а пиво откровенное дерьмо. Вот нефилтрованное у Саркиса, что возле хлебозавода в паре кварталов от училища из-под полы расходится в народ – это вот пиво, а здесь дребедень. Тошнотина, а не пиво. Зато в магазинах в свободной продаже бананы. Вот это да! Забавно всё это.

Улица Серышева, штаб 11-ой Армии. По ступеням крыльца снуют молодые лейтенанты. На всех доступных взору углах курят и ведутся бойкие разговоры.

В кабинетах принимают партиями по пять человек. С одной из стихийно образовавшихся групп захожу в указанную дверь дежурным по этажу. По очереди представляемся подполковнику, и каждый получает квиток размером со спичечный коробок и пометкою карандашом. На моём – номер кабинета, который обязательно следует посетить, затем слово «Сахалин» и далее номер военной части. Выйдя, увидел карту во всю стену. Подошел изучить. Остров Сахалин – грустно; чёрт знает где и всего два способа выбраться – самолёт и паром через Татарский пролив. Дело кислое...

Это много позднее, когда повезло дважды побывать на Сахалине, прочитать «Каторгу» В. Пикуля, и, влюбившись в роман, перелопатить историю острова, я влюбился в него. А тогда, будучи зеленым лейтенантом, я думал лишь о том, как выбираться в отпуск с места службы без потерь драгоценного времени, потому и сторонился мест отдаленных и тем более затерянных среди водной глади и на тундровых просторах Родины.

Сунул квиток в карман и подошел к дежурному.

- Товарищ капитан, извините, не подскажете – сколько дней будут распределять?
- Назначенцев много, тянуться долго будут. Неделю точно.
- Спасибо.

Через пару минут выбрался на улицу. Мозг отработал четко – многочисленные дежурные меняются, за короткий промежуток выделить из толпы и запомнить человека сложно. Квиток на всякий случай сунул под обертку удостоверения личности.

Мне нравится узнавать город, в особенности его изнанку. Напыщенная и ухоженная лицевая сторона не так интересна. Сюжет суховат, а вот потаенная сторона всегда обещает много интересного. Три дня спустя знакомства с главными улицами и бесцельного шатания по всевозможным трущобам снова объявился в штабе Армии. На этот раз перед тем, как войти в кабинет, надвинул козырёк фуражки на глаза и уже внутри третьим из группы неясно представился, размывая слова:

- Лейтенант N...в, Новочеркасское училище связи.
- Так-с..., – тягуче пропел знакомый подполковник, – связист значит?
- Так точно!
- На тропосферу пойдешь? изучал?

В ожидании молчу, рассуждая: – хрен его знает, что это такое, вроде вскользь нечто похожее проскальзывало на курсах, пару раз, скорее всего и видел.

– Служба в городе. Комсомольск-на-Амуре не столица, конечно, но как ни крути, а все же город. Почему-то желающих нет; боятся связываться с тропосферой, излучение мол. Так пойдёшь?

От этих слов как-то не по себе стало, навалилась тоска. Мелькнуло: – Надо же! офицеры, связисты, а боятся излучения. Да-с, дела-а. Почему-то вспомнился матрос, заживо сгоревший в ядерном реакторе подводной лодки. Матросу, значит, позволяется, гася реактор, сгинуть: молча делать дело и заживо сгореть. По сути, так совсем еще пацаном погибнуть, спасая других. Забрался малец в аварийный реактор и крутил гайки пока сил хватало. А офицер у нас, значит, боится излучения. Как же воевать-то, скажите на милость? Если и было какое настроение, то оно испарилось. Навалился мучительный немой диалог.

– Так точно, пойду!

А между тем в голове иное. Сначала: – Кому-то же надо, не ты первый и не последний. Но чуть позже находится и уловка, на всякий пожарный: – Если что время вроде позволяет провернуть очередную махинацию с квитками.

Получаю квиток. На нём всё тем же карандашом: номер очередного кабинета, Комсомольск-на-Амуре и №... в\ч. Из кабинета напрямиком к карте. Вот он и Комсомольск-на-Амуре. Четыреста километров не расстояние. Служить предстоит не на точке – радует и река под рукой, и какая река! На этот раз подполковник наверняка запомнил мою личность; диалог затянулся, есть риск. Ладно, сойдет и Комсомольск-на-Амуре. В конце концов, не Кушка, не Кандалакша и не Ахалкалаки. Прежний квиток смят и летит в урну, а я прохожу процедуру оформления к первому месту службы.

Уже на улице снова погрузился в невеселые размышления. Унылый спор с собою даже затянулся.

– У-у-у, дура..., – ворчу себе, – Та-ак то-о-очно! Вечно нечистая тебя толкает под руку, так и подстрекает на что-нибудь этакое. Ну, что неймётся-то тебе? Все в сторону, а ты один в самую дрянь, да к тому, чтобы ещё и по самые уши увязнуть. И откуда во мне это дворняжье? Прям пёсья натура. Нет бы барином, чтобы в белую кость получить, благородством искрить. Ходи себе наглаженный в перчаточках лайковых, важным повсюду представляйся, осанку держи, полируй золотую фикса, ногти шуруй пилочкой... Как все – люби себя и чихай на остальное. Женись с выгодой, должностенки прибирай которые с перспективой. Кого локотком отпихни, другого запятнай незаметно или дураком выставь. Глядишь и выкарабкался в люди. Так нет же. Суюсь куда ни попало. Во всякую грязь влезу, всем уступлю. А кому нужны эти бестужевские порывы? Другой плут на маршброске думает, как полегче отделаться или вообще отлынить от тяжкого мероприятия. А тебе своего мало, так надо ещё автомат отстающего на загорбке волочить. Всё потом и кровью выделится норовишь. Подвигом бредишь. Подвиг, туха, штука шибко хитроумная. Искусственная. Подвиг тогда подвиг, когда "мохнатая лапа" соблаговолит прислунить его к жаждущему да нужному. Когда на бумаге придуманную выходку сфиксируют и печатью скрепят. Но уж ни как, ежели рвешь пуп с целью помочь ближнему.

Да и кому лучше сделало неприметное геройство это? Случись вот бою – у тебя два автомата, а товарищ без оружия твоими усилиями оказался. Тоже мне благородный рыцарь печального образа. Ладно бы волчарой уродиться и любому сходу в глотку, ан нет. Мы-с хво-

стиком-то туда-сюда, туда-сюда. В первом встречном хозяин видится. Тут же и покорность ему выкажем. А как окажется самодуром, так не велика и беда: сначала потерпим-с, а при случае дёру дадим. За нами не станется сменить-с тирана. Делов-то, Господи. Дворняга душа моя и сердце пёсье, пошатущее... И в кабаках не радость людская умиляет, а все ищу кто слезу не держит. В кого я такой? Не офицер, а осень дождливая. Нету, нету в тебе этого,.. Как его? (тут я шелкнул пальцами, найдя подходящее слово) Ага, вот чего нету – стержня. Стержня нет в тебе, такие дела, аника-воин. Офицерик чегой-то из тебя не того-с... Подгуляла порода. Тьфу! Гадко-то как! Напиться что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.